

18+

КАВИТАТОР ПРОФЕССОРА БРЕХМАНА

Юмористическая повесть

Игорь Англер

**Кавитатор профессора Брехмана.
Юмористическая повесть**

«Издательские решения»

Англер И.

Кавитатор профессора Брехмана. Юмористическая повесть /
И. Англер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989323-9

Вы читали «Гиперболоид инженера Гарина» А. Толстого? Тогда вам понравится и «Кавитатор профессора Брехмана». Эта повесть — огонь, как и всё, что вылетает из сопла кавитатора. Она рассказывает о невероятных и весёлых приключениях русских бизнесменов. Они возят похожее на бомбу изобретение по Европе, пытаясь его пристроить куда только можно и на нём заработать. Повесть — ироничное свидетельство незабываемого времени (ранней перестройки и развала СССР), поддержит ваше хорошее настроение.

ISBN 978-5-44-989323-9

© Англер И.
© Издательские решения

Содержание

Кавитатор профессора Брехмана	6
1. Пролог. Научный... ну почти	6
2. Глава о научном кризисе. В шаге от провала и чудесное спасение	9
3. Глава коммерческая. Сулящая кавитатору невиданные перспективы	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Кавитатор профессора Брехмана Юмористическая повесть

Игорь Англер

© Игорь Англер, 2025

ISBN 978-5-4498-9323-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кавитатор профессора Брехмана

1. Пролог. Научный... ну почти

Профессор Ленинградского института инженеров водного транспорта (ЛИИВТ) Семён Наумович Брехман слыл в институтской среде умным человеком, которого трудно – да что там скромничать, бесполезно! – переспорить, особенно в том, что касалось теории кавитации. В чём в чём, а в вопросах завихрения, в первую очередь мозгов человеческих, Брехман дока. В общем, Семён Наумович – настоящий советский учёный, как и многие другие ему подобные с умными подвижными глазами навывкате. К этому высокому званию не хватало только докторской диссертации. Три приятно шуршащие червонца ни к какой зарплате никогда бы не помешали! Поэтому диссертации и не хватало. Многим, кстати, не хватало.

– И не думай, Брехман, писать докторскую по теории кавитации! – предупредил того заведующий кафедры «Научных теорий текучих и пахучих жидкостей» профессор Ефим Натанович Кильман. – Достаточно с нас твоей кандидатской. Учёный совет не отошёл от той защиты!

– Шолом вам, Ефим Натанович, диалектически-материалистический! – отвечал тому Семён Наумович. – Чтоб я никогда не увидел Стену плача и замугованный в неё исторический материализм!

Последнюю фразу Брехман произносил мысленно, понимая, что ветер перестройки в стране, конечно, задул, но в какие конкретно места он мог вдуть вольнодумцу, в тайне мечтавшему взобраться на Синайскую гору, пока не понятно. Историческая память великомученического народа-странника без капли нефтяных ресурсов подсказывала, что гласность не есть свобода слова, хотя вольные мысли в глубинах подсознания допускались.

Кроме того, заведующий был прав и по существу: его вечный заместитель и парт-орг института Григорий Иванович Долбоколов успел, шлемазо такой, защитить докторскую по теме «Марксистско-ленинские принципы диалектического и исторического материализма как фундаментальные основы теории кавитации жидкостей и газов» и включил, дважды шлемазо, в библиографический список работы Менделеева по спиртам.

Застолбив за собой первенство в идеологии кавитационных явлений природы и начав изучать их влияние на стратегическую в СССР жидкость, Долбоколов, вопреки своей ничего не говорящей в научных кругах фамилии, отбросил своих конкурентов в самый задний аррьергард, если не сказать в зад советской науки. И ещё, комиссар красный, позволял себе ехидные вопросы о роли коммунистической партии в развитии теории кавитации жидкостей и левоуклонистских и правонаклонческих ошибках Менделеева, имея в виду, конечно, фундаментальный спор о преимуществах сорокапятиградусной «Сибирской» перед сорокаградусной «Столичной».

«Иначе не видать тебе, узник пятой графы, никакого кандидатского стажа, стоической гордости за уплату парт- и прочих членских взносов в нетерпеливом ожидании материально-моральной компенсации в виде командировки в Болгарию», – хитро прищурился Долбоколов.

«На что ты, политрук недобитый, намекаешь? На Сибирь? Или на переезд в Москву?» – думал всякий раз Брехман, любитель армянского коньяка, зная, что научная, такая многообещающая стезя по спиртосодержащим жидкостям в ЛИИВТе, к сожалению, полностью перекрыта этим Долбо... коловым, и коньяк по отдельной графе вряд ли проскочит в тему диссертации.

Но Брехман не был бы Брехманом, если бы не уловил в словах Кильмана «не лезь туда!» истинный потаённый смысл. Лезть нужно обязательно, но, как и куда? Вот в чём настоящий еврейский вопрос! В общем, мечта о гиперболоиде инженера Гарина ни на минуту не покидала беспокоящую голову Брехмана.

«Инженер смог, – завидовал Семён Наумович везунчику Гарину. – А я кто, не профессор что ли?»

И Брехман сумел.

«Научно-практические аспекты применения явления кавитации в народном водном хозяйстве СССР и в других отраслях промышленности, как яркое доказательство жизнеспособности ленинских идей в советской экономической модели в условиях развитого социализма, несмотря на беспомощные потуги капиталистического мира и враждебную западную пропаганду», – так называлась его работа на соискание докторской степени.

Брехман отлично помнил, с каким огромным сожалением он поставил год назад «точку» в названии диссертации, но титульная страница имела свои пределы. Даже отцы марксизма-ленинизма понимали это. Выручили оглавление и – слава КПСС! – вступление о роли партии в кавитации, а ещё... А ещё Брехман осознавал, что любая кавитация, то есть завихрение, начинается с мозгов, и именно ими и надо заниматься в первую очередь. То есть ветер следует впускать именно в головы, иначе можно самому сколько угодно овихреть, но доктором наук так и не стать. А Брехман им стал, так как умело запудрил мозги всему институту, научному руководителю, оппоненту и рецензенту, не говоря про учёный совет и диссертационную коллегия Министерства водного транспорта СССР.

Эффект от кавитации серого вещества, усиленный мощнейшим банкетом в лучших советских традициях в ресторане «Метрополь», превзошёл самые смелые ожидания Семёна Наумовича. В придачу к долгожданной степени доктора технических наук и не менее желанным трём червонцам, Брехман неожиданно получил отдельную лабораторию по изучению и практическому внедрению в народное водное хозяйство СССР этих самых ленинских принципов кавитации. Оставалось придумать красивое, обязательно мудрёное название, такое кавитатистое, но не очень длинное, чтобы поместилось на латунную табличку. А лучше использовать непонятную аббревиатуру согласно заветам советского бюрократизма, чтобы тогда точно никто не разобрался.

«Например, НЛНХиПК – научная лаборатория народно-хозяйственной и прикладной кавитации. А вот с должностью поскромнее, – умно и дальновидно сдерживал своё выпирающее тщеславие Семён Наумович. – Никакого заведующего лаборатории, чтобы, не дай бог, завкафедрой Кильман не заподозрил желания его подсидеть. Ни-ни... в нашем НИИ! Ни начальник, ни управляющий, ни...»

– А как вы, Ефим Натанович и Гг'игог'ий Иванович, мне посоветуете? «Куг'атог» подойдёт? – преданно смотрел в глаза коллегам Семён Наумович.

Пьяный в стельку, как и весь учёный совет, Кильман бессильно кивнул головой, признавая, что теперь Брехмана придётся оставить в покое с его лабораторией и лучше намазать потолок форшмак, закодированный, как селедка под шубой по-одесски, и запивать бутерброд халявной водкой.

– Ну ты, Брехман, титаник! Я б сказал даже ледо... ледо... ледоё... ледокол, то есть, – заикался, заикался, но успел поправиться парторг Долбоколов. – Я тебя уважаю, Сеня! Пиши заявление в партию. Сейчас же! Нех... хрен стоять в стороне от партийной кассы, когда такие дела завихряются. Давай выпьем за мировую кавитацию! И название у тебя, Сеня, правильное: кавитатор вихревой энергии, прямо как вихри враждебные... (окончательно запутался выпивший парторг).

...Эйфория и похмелье банкета быстро прошли. И заведующий кафедрой, и директор института несколько раз заглядывали к Брехману в лабораторию и интересовались, как идут

дела, и не нужно ли чем помочь. Долбоколов, правда, с заявлением в партию не торопил. И это тоже настораживало неглупого Брехмана. Конечно, интеллигентные предложения о помощи нельзя было назвать признаками грядущей грозы, но и ждать, когда тучи соберутся над лысой, к тому же еврейской башкой не стоило. Сколько можно демонстрировать опытный образец кавитатора размером с поллитровку? В кавитатор, по иронии судьбы, помещалось ровно поллитра... жидкости.

На каверзный вопрос парторга «Почему?» всегда находчивый Брехман с внятным ответом медлил. Подходящей цитаты из классиков марксизма-ленинизма не находилось, а Менделеева занял Долбоколов. Поэтому Семён Наумович краснел, осознавая, что придуманная им самим и до сих пор неразгаданная загадка числа «пи» скоро не спасёт. В формулу патента её удалось запихнуть под видом «ноу-хау». Но всё равно выходило ненадёжно, так как на любой патент сразу найдётся сотня таких же умных соискателей. Им только дай срок. А вот времени, как чувствовал Брехман своей не менее умной и от того чувствительной к катаклизмам задницей-предсказательницей, у него почти не осталось.

«Зависимость шага, угла наклона и скг'учиваемости кавитационной спиг'али-улитки, а также её г'адиуса от числа „пи“ уже научно очевидна, но статистически пока не устойчива в своих экспериментальных пг'оявлениях. Очевидно, это как-то связано с бесконечно неопг'еделённой конечностью самого числа „пи“», – картавя, говорил Брехман своим коллегам, явно имевшим виды на его лабораторию, и испытующе всматривался им в глаза, мол, сколько гипотеза протянет.

В институте тираду Семёна Наумовича называли «Брехман запипикал тему».

«Число „пи“, число „пи“! А не пи... ликаешь ли ты, канифоль вонючая, на скрипке?» – явно читалось в глазах Долбоколова.

На столе парторга Семён Наумович, к своему ужасу, недавно обнаружил таблицы Брадиса и логарифмическую линейку. Тому оставалось привезти из загранкомандировки двадцатирядный калькулятор, чтобы вплотную подойти к решению конечности числа «пи». И тогда, Брехман аж вспотел при этой мысли, всё – пи... три четырнадцать, то есть, приплыли! И можно получать полноценный пи... стон по беспартийной линии за увод партии и научной мысли от стратегической линии.

Семён Наумович не предполагал, сколько слов в русском языке, оказывается, содержат код «пи». Помимо «пистона», число «3,14» присутствовало в «пианино», «пиве», «пиджаке», «пижоне», «пинке», «впиндюрить» и в «пидставе». Самиздатовский словарь русского мата отводил не менее двадцати страниц мелким шрифтом для гнездовой ячейки «Пи». Символ тамплиеров – роза, неожиданно получила массу интерпретаций на русском языке! Вот тебе и магия! Брехман обнаружил русский вариант своей, как он наивно полагал, композиторской фамилии. Не тут то было – болтун, трепло, если не сказать...

«Пи... звезда... болов, – холодея, прочитал в словаре Брехман. – А ведь Долбоколов, шлемазо, именно так и назовёт меня, если...»

До уголовно-наказуемых миноритариев листать Брехману расхотелось.

2. Глава о научном кризисе. В шаге от провала и чудесное спасение

Дома Брехман проанализировал риски, связанные с логарифмической линейкой, с которой Долбоколов несколько раз был замечен измеряющим жидкокристаллический экран «Электроники». Тот не забыл предварительно подышать на него. Таблицы Брадиса давно валялись без дела на столе, но по какой-то причине не желали возвращаться на полку к классикам марксизма-ленинизма. Всё свидетельствовало о том, что совсем скоро количество у Долбоколова перейдёт в непонятное качество, и у Брехмана возникнут проблемы. Весь вечер Брехман ломал голову над «парадоксом Долбоколова» и нашёл-таки решение.

На следующее утро, как только Кильман начал подрёмывать за столом после очередного совместно-научного чаепития, Брехман вывел Кильмана в коридор освежиться на сквознячке и сделал заявление.

– Если вы мне не дадите аспиг'анта, то я один не буду отвечать за успешное окончание моего научного экспе'имента и испытаний пег'вой модели кавитатог'а, не говог'я о сг'оках полномасштабного внедг'ения кавитатог'ов в наг'одное хозяйство и пег'еходе к их пг'омышленному пг'оизводству!

– Семён Наумович, – в сообразительных глазах завкафедры замелькали беспокойные искорки нежелательного соучастия. – Не дурак! Сейчас мы пойдём к директору института. Хотите и парторга прихватим, а?

Ни директор, ни парторг, естественно, не хотели становиться соучастниками срыва программы кавитации в национальном масштабе. Через час в лаборатории НЛНХиПК перед Брехманом стояли трое студентов выпускного курса. Лёня Шульман с факультета водных путей сообщений и задвижно-раздвижных гидроузловых сооружений, по понятным причинам, у Семёна Наумовича энтузиазма не вызвал – слишком много пятёрок в зачётке. И, вообще, подозрительно подготовленным оказался Шульман. Сразу полез копать в числе «пи» и приплёл Леонардо Да Винчи. Нет, с таким аспирантом рискованно – можно легко вылететь из лаборатории, минуя должности лаборанта, уборщицы и кладовщика.

Вторым кандидатом был Ашот Ошиганян. Всё бы ничего, и даже его репутация по женской линии, пожалуй, не испортила б аспирантской анкеты. Подумаешь, родом из Пицунды. Ну и что, что всех девчонок в институте, начиная с первокурсниц и кончая замужними аспирантками, перекатал на дядюшкиной «Комете» в Гаграх! Но ставка лаборанта-стажёра дополнительно к стипендии выглядела жалкой подачкой по сравнению с безграничными коммерческими перспективами, которые открывал каждый год черноморский курортный сезон. Против армянской семейной династии каботажников и капитанов прогулочного-развлекательного флота не попрёшь.

Оставался последний, третий студент. Он не был, конечно, самым последним студентом в институте водного транспорта. При желании можно поискать кого-нибудь достойнее. Но одна-две «тройки» в семестре и регулярные пересдачи сессий говорили Брехману, что с этим студентом можно попытаться вывести кавитатор на новые просторы и высоты.

– А какой у вас, Сидог'ов, факультет? – на всякий случай поинтересовался Семён Наумович.

– Факультет мелиорации и механизации, специальность – дренажные системы болот лесотундровой полосы, – бодро отчеканил Сидоров. – Я курсовую работу писал на втором курсе о разведении карпов и карасей в дренажных канавах как инструменте внедрения хозрасчета и обеспечения самоокупаемости советского мелиоративного комплекса. Пригодится?

На Брехмана смотрела простецкая русская физиономия с серыми глазами, не знающими, что такое близорукость, конопатым носом-картошкой, по которому никогда не сползали очки. Неподдающиеся расчёске русые вихры убедительно торчали во все стороны.

«Человек без очков – это ж как без... А может, то, что надо?» – подумал Семён Наумович и с облегчением сказал Сидорову, что он подходит.

– Но г'аботать, молодой человек, пг'идётся много! Нагонять матег'иал и изучать кавитацию... Знакомы с этим явлением? А как число «пи» пг'инимается в г'асчете шага и угла скг'учивания кавитационной улитки? Сколько знаков после «тг'и-четыг'надцать» нужно взять? Не боитесь? Спг'авитесь? Да, кстати, как вас величать по имени-отчеству?

– Федор... Иванович.

– Вот, значит, какой вы настоящий Сидог'ов... Федог'... Иванович, – с ироничной улыбкой рассматривал своего вновь испечённого ученика. – Н-да, ну что ж попг'обуем.

Теперь на Брехмана глядело другое, волевое лицо, наморщившее лоб для решения предстоящей фундаментальной задачи. Все стимулы для достижения успеха были на месте: стипендия и ставка лаборанта, комната в общежитии и, как минимум, три года настоящей гражданской жизни в Ленинграде. Прощай, посёлок городского типа Кебан-Ёль в Коми АССР, её лесотундра с болотами и их дренажно-канавная мелиорация с замёрзшими по зиме карпами и карасями! Да здравствует непонятная, неизвестная, заумная, наверняка еврейская, но такая любимая вихревая кавитация!

Сидоров, действительно, оказался Сидоровым. Он пересдал историю КПСС с «двойки» на «четвёрку», неожиданно уверенно получил крепкий «тройак» по высшей математике и математическому анализу, по механизации дренажно-мелиоративных работ ожидаемо и заслуженно получил «отлично». Философия и иностранный язык виделись Брехману очевидным препятствием в прохождении Сидоровым «кандидатского минимума», но тот и здесь сумел удивить своего профессора.

Из далёкого леспромхоза, в котором директором трудился старший брат Сидорова, в адрес институтского садоводческого товарищества «Советский водник» прибыло несколько вагонов с пиломатериалами, а первыми из рук Фёдора Ивановича накладные на дачный дефицит получили в ректорате, конечно, кафедры философии и иностранных языков. Остальные кафедры тащили самодельные лотерейные билеты и рвали на себе волосы, потеряв такого аспиранта. Теперь Сидорову хоть диамат, хоть истмат, а хоть и мат-перемат. Английский или немецкий? Да хоть китайский! В общем, не то, что «кандидатский минимум», у Феди был в кармане «кандидатский максимум». А ведь у Сидорова оставался не задействованным по крупному (продуктовые посылки с копчёными язями для студенческого преферанса под пиво не в счёт) дядя – начальник рыболовецкой артели в Сторожевске на реке Вычегда, где, оказывается, до сих пор не перевелась стерлядь.

Брехман, зажмурившись и выставив наружу свой горбатый нос-клюв, представлял, какой банкет сможет закатить Сидоров с такими родственниками из Коми АССР по случаю своей защиты. А то, что она состоится сомневаться не приходилось. Иногда, в порыве честности, Брехман признавался самому себе, что с учеником ему повезло.

«Точно, Моисей меня навёл сг'азу взять Федю!» – благодарил божественного поводыря Семён Наумович.

«А ведь потом, чег'ез паг'у дней, Долбоколов пг'ислал с г'екомендацией... как его... э-э... Беляускаса. Типа отслужил сг'очную в Советской аг'мии, достоин пополнить г'яды советской науки», – вспоминал с содроганием Брехман.

Перед его глазами, будто встреча состоялась вчера, всплыл унылый образ печального литовского хуторянина Арвидаса Беляускаса с погасшим взглядом упахавшейся за сохой клячи и опущенными в пессимистической безнадеге впалыми бледными щеками и кислой рожей сыровара с лопатой. Обиженно выпяченная вперёд нижняя губа говорила о том, что

обычно весёлая на втором году служба в стройбате до самого дембеля не хотела отворачивать от него свою жопу. Кличка «Уксус» прилепилась к Беляускасу навечно.

«Ты помнишь, мойшэ, как выглядела ског'бь евг'ейской нации, когда он, как поц, спустился с гог'ы Синайской и объявил, что г'азбил Скг'ижали и не запомнил всех заповедей по пог'ядку! А мы тепег'ь мучаемся с гг'ехами, то ли своими, то ли чужими! – жаловался как-то на Долбоколова Брехман Кильману. – И „Уксуса“ на кафедг'у подослал – мне что, своего в жизни не хватает что ли?»

Так что с Сидоровым всей лаборатории НЛНХиПК, а не только куратору-профессору, повезло. Сидоров оказался двужилым: он не только перелопатил всю институтскую библиотеку по кавитации, но и подписался на какие-то журналы по авиации, где тоже использовались полезные эффекты данного феномена, и не отказывался подменить Брехмана на семинарах, не говоря про наряды на овощебазу, всегда выпадавшие, как назло, в шабат.

– Ну что, пишешь диссег'тацию? Когда подготовишь пег'вые две главы, обязательно покажи мне, – уходя с работы, Семён Наумович постоянно напоминал аспиранту о приближающемся часе «икс». – И не забудь о пг'актическом аспекте нашего экспег'имента. Кавитаторг' должен соответствовать пг'омышленному масштабу!

– Да-да, конечно, – соглашался Сидоров, косясь на жалкий пол-литровый прототип, пылившийся на полке наставника.

Проводив профессора и всех остальных домой, Федя запирался в лаборатории на всю ночь.

И однажды час «икс» настал. Нет, до защиты кандидатской было далеко, но Сидоров, заглянув на кафедру, заговорщицки зачем-то позвал и Брехмана, и Кильмана, и даже подвернувшегося бесцельно, но целенаправленно слонявшегося по коридору Долбоколова.

– Вот, смотрите, сделал! Теперь можно приниматься за диссертацию! – торжественно произнёс Федя.

– Ни хрена себе струя! – не удержался от комплиментов Долбоколов.

Представители же интеллигентской части профессуры привычно прищурились и молчали. На специально сваренных из рельс подставках-козлах лежал, сверкая нержавеющейкой, кавитатор: размером с ракетную боеголовку – не меньше метра в длину. Про вес кавитатора можно не спрашивать. И так ясно – если не прибуёт, то придавит наверняка, не хуже асфальтоукладчика. А уж с завихрением, точно, всё в порядке – в «улитку», похоже, могла поместиться Человеческая башка целиком.

– И что, г'аботает? – недоверчиво спросил Брехман, не понаслышке знавший, как запутанна и длинна дорога от еврейского патента до внедрения изобретения.

– Хочу вместе с вами торжественно подключить, – ответил Сидоров.

– Ну-у-у, – разочарованно протянул Долбоколов, – а мы-то думали.

Тут в дальнем углу лаборатории кто-то характерно икнул. Все повернулись и увидели двух инструментальщиков из механических мастерских, за спинами которых что-то жужжало. У обоих на лицах блуждали глупые улыбки, бегали туда-сюда масляные глазки, а крепкий запах перегара перебивал вьвшееся в спецовки масло. Работяги не сходили с места, явно закрывая собой какие-то предметы.

– А ну, отвалили! – зычно приказал Долбоколов.

– Пожалуйста, – в один голос вежливо попросили Кильман с Брехманом.

Мастера неохотно отошли в сторону. За ними скрывались аж два кавитатора: одна всем знакомая «пол-литрочка», гонявшая по контуру из прозрачных трубок бесцветную жидкость, и второй, размером с артиллерийский снаряд, с шумом всасывавший в себя, а потом с жужжанием выплевывавший обратно в контур некую коричневую жидкость.

– Герметичность в контурах нарушена, – втянув воздух ноздрями, авторитетно заявил Долбоколов.

– Водка... – шмыгнул носом Брехман и кивнул на нержавеющие «пол-литра».

– Коньяк? – удивлённо глянул на слесарей Кильман.

– Откуда, профессор? – ответили те. – Самогонка яблочная, и немного карамели для цвета.

– А выглядит прям как настоящий «Арарат»! – восхитились учёные.

– И по башке шибает лучше, чем водка, пропущенная через сифон с углекислым газом! А чистота после кавитационной «улитки» – просто слеза младенца! – выдали работники секретный рецепт.

Менделеев в институте был в почёте. Долбоколов заворожённо засмотрелся на жужжащие аппараты и бегающие по трубкам эликсиры, понимая, что премия имени Менделеева почти в руках. Количество соавторов-претендентов несколько печалило его, но, глянув на «боеголовку», парторг быстро успокоился.

– Ну, что скажет аспирант в защиту своей работы? Какая расчётная пропускная способность у кавитатора второго поколения? – намекнул Кильман на «артиллерийский снаряд».

Брехман же наблюдал за Сидоровым и никак не мог поверить, насколько дословно тот понял тезис о практичности и масштабности изобретения.

– Тему-то утвег'дили. Что тепег'ь делать будем? – вскинул и опустил руки Семён Наумович.

Размер снаряда внушал уважение. А это не так уж мало, если не забывать про синергетический эффект водки, кавитации и научной репутации. То есть перед «бомбой Сидорова» всё-таки маячили перспективы. Но какие?

3. Глава коммерческая. Сулящая кавитатору невиданные перспективы

Шальной луч, невесть как залетевший в лабораторию, давно залез с пола на верстак и полз по кавитатору. Погрев его стальной бок, солнце пошло дальше, но внезапно остановилось у сопла, будто приплюсываясь.

– Вы, Семён Наумович, не переживайте так за аппарат – он способен на многое. В его «улитке» овихревает всё, что туда попадает: простая вода, загрязнённая мазутом или маслом техническая жидкость... А вы видели, как горит пропущенное через кавитатор настоящее топливо?

– Ну и? – Брехман многозначительно молчал.

Он повесил на своё лицо обычное умно-озабоченное выражение и ждал продолжения пояснений, а они оказались, действительно, интересными.

– Растворённый в воде грязный мазут сгорает в камере, словно чистый спирт! А что говорить про дизельное топливо. Огнемёт с напалмом, а не кавитатор! Я хочу назвать его КВЭ – кавитатор вихревой энергии. Как вам название? А водка с самогонкой – просто шутка, последняя ступень очистки напитка. Хотел мастеров отблагодарить за помощь в изготовлении «улиток». Попотели мы с ними, особенно с большой. Теперь кавитация не просто равномерно распределяется внутри камеры, а получает сильное динамическое ускорение в «улитке», достигая пика скорости и плотности завихрений на самом выходе из сопла.

– А ты, Федя, замег'ял значения теплоотдачи и теплоёмкости?

– А как же! Увеличение не менее чем в два раза! Вот, я всё занёс в экспериментальный журнал, – Сидоров вытащил из стола толстенную тетрадь.

Судя по затёртым и заматытым в крошку краям, в этой тетради Брехману было что почитать.

– Пог'а нам выходить на пг'омышленный, даже коммег'ческий уг'овень! – подытожил Семён Наумович.

Он давно уловил витающие в воздухе возможности в виде кооперативов, научно-технических центров при комсомольских райкомах и дворцах молодёжи, но даже для них новаторское устройство находилось за пределами осознания. Брехман послал Сидорова на котельную, которая отапливала здание института. За бутылку водки кочегар согласился установить пол-литровую версию на месяц для испытаний. Результаты обнадеживали, и даже очень: после кавитатора горело всё и в любом состоянии, а мазут на котельную почти всегда поставлялся сильно разбавленным водой. Но покупать кавитатор никто не хотел, даже начальник районной ТЭЦ, которого за бутылку коньяка Брехман уговорил посмотреть на устройство в действии.

Оставалась последняя надежда – совместные предприятия с иностранными инвесторами. Таких СП в Ленинграде в то время работало два: «Ленфинком» и «Нева». Первое занималось телефонной связью, и ему кавитатор с его фантастическими свойствами был до лампочки. Зато про «Неву» ходили слухи, что, пока шведы строят мебельную фабрику в Лодейном Поле, «невцы» занимаются всем подряд.

Брехман и Сидоров шли по Смольному институту, и по мере приближения к офису «Невы» им становилось понятно, что только там жизнь бьёт ключом, и только там, возможно, у них будет возможность удачно пристроить свой кавитатор. С каждым шагом по тёмному коридору с красной ковровой дорожкой из дальнего конца всё отчётливее доносились отчаянный женский визг и несдерживаемый мужской смех. Дверь в помещение была открыта. Секретаря в приёмной не было. Брехман и Сидоров заглянули в смежную комнату с табличкой «Генеральный директор». В огромной, в сто квадратных метров, зале уместились массивный

телетайп, новенький факс, кожаное кресло, директорский стол и длинная-предлинная приставка к нему для переговоров в центре.

За этим столом собралось, похоже, всё СП «Нева», и не только за ним, но и на нём. Вокруг него оживлённо бегали и горланили на непонятном языке здоровые, похожие на викингов мужики-блондины, все как один в одинаковых серых брюках, синих блейзерах и ярко-жёлтых рубашках с синими же галстуками. То были шведы. Остальные пятеро мужчин, явно, русские. Они спокойно сидели на своих местах, тихо о чём-то переговаривались между собой и наблюдали, как кружились довольные фирмачи. Вдалеке на самый край, ближний к директорскому месту, взобрались две женщины и отчаянно визжали, понимая, что отступить им больше некуда, и к ним медленно приближаются...

В тот день «Нева» торговала... живыми раками из обкомовского подсобного хозяйства. Его директор и заместитель доставили из-под Гатчины две корзины «подводных цирюльников» и неожиданно для всех их вывалили прямо на стол для демонстрации особой живучести членистоногих. Несмотря на тряску по ста разбитым километрам без воды и пищи, раки представляли собой весьма живую картину. Сотня зелёных членистоногих переползала друг через друга, пощёлкивая узкими клешнями и иногда задерживаясь на потасовки. Они довольно быстро заняли почти всю поверхность, оставив свободным лишь тот небольшой противоположный край, на котором сидели и орали женщины. Главный бухгалтер Нина Петровна и секретарь-переводчик Любочка, замерев в объятиях, со страхом ожидали, когда их окружит раковая шайка и начнёт кромсать клешнями одежду. В общем, обе женщины заняли круговую оборону, натянув юбки на сапоги.

Шведы же в переводе не нуждались. Раки спокойно перенесли русское бездорожье, многочасовую голодовку и пытку жаждой, совершенно не утратив своей подвижности, задиристости и боевитости. Единственным недостатком раков была их узкопалость. В Швеции особенно ценилась другая, широкопалая, разновидность раков. Они считались более деликатесными и, следовательно, дорогими. Но приличная скидка могла устранить любые сомнения в качестве товара, а он был хорош, даже очень хорош.

Брехману с первого взгляда стало понятно: в СП «Нева» собрались деловые люди с очень разносторонними интересами.

«Если их интересуют живые раки одновременно со строительством мебельной фабрики, то наш кавитатор здесь может найти свой дом», – прикидывал свои шансы на удачу Брехман и даже подмигнул своему аспиранту.

Сидоров же думал, пролезут ли раки в его большой кавитатор вихревой энергии, ну в ту самую «боеголовку», которую они оставили в лаборатории, и в каком состоянии они пройдут «улитку».

– Товарищи, вы к кому? – товарищ Андреев, бывший третий секретарь обкома партии и ныне коммерческий директор СП «Нева», отвлёкся, наконец, от раковых гонок и дуэлей и обратил внимание на вошедших.

Из-за шума и визга не мудрено было пропустить зашедших без стука и доклада Брехмана и Сидорова. Да и кому докладывать? Секретарь Любочка в данный момент сидела на столе, натянув на коленки юбочку, и орала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.